

Зависимость синтаксического строя
некоторых памятников
деловой письменности XVIII в.
от их содержания

Наблюдение над рукописными материалами, представляющими памятники письменности делового содержания, относящимися к сфере делопроизводства московских учреждений (сказки, челобитные, допросы)¹, сопоставление этих текстов с некоторыми другими рукописными памятниками, такими, как «Состояние столичного города Москвы» 1785 г.² и с материалами дневниковых записей купца И. А. Толченова 1769—1812 гг.³ позволяет высказать некоторые суждения о характере синтаксического строя данных текстов: определить особенности их синтаксической структуры в зависимости от принадлежности памятника к определенному виду документов.

В рассматриваемых материалах наблюдается определенная зависимость в употребительности подчинительных конструкций от разновидности деловых текстов. Для одних характерно отсутствие данных конструкций или их незначительная употребительность как единичных вкраплений в текст, построенный по преимуществу на основе союзного и бессоюзного соединения предложений. Для этих текстов характерно употребление союзов-частиц *и*, *а*, *да*, именно им принадлежит в большинстве случаев определяющая роль в синтаксическом строе подобных текстов. Для других памятников, напротив, характерна широкая употребительность разных семантических типов подчинительных конструкций, их разные сочетания («цепочки»), соединяемые различными подчинительными союзами.

¹ К исследованию привлечены материалы ЦГАДА: ф. 237 (Монастырский приказ), ф. 306 (Следственная комиссия о пожаре в Москве 29 мая 1737 г.), ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки), ф. 931 (Московская полицмейстерская канцелярия) и др.

² ЦГАДА, ф. 197 (Портфели А. Ф. Малиновского), оп. 1, портф. 36, № 1.

³ Журнал или записка жизни и приключений И. А. Толченова. Сост. А. И. Копанев, В. Х. Бодиско. Под. ред. Н. И. Павленко. М., 1974 (данная публикация содержит часть рукописи, хранящейся в БАН — Основное собрание, шифр 34.8.15).

Преобладание в синтаксической структуре текста сочинительных или подчинительных конструкций определяется содержанием памятника, что, в свою очередь, зависит от его назначения: сообщение определенных сведений для тех или иных целей. В одних — должен быть представлен перечень фактов и событий; их констатация не определяет установления между ними каких-либо логических отношений, поэтому, естественно, в подобных текстах в синтаксическом строе будет преобладать сочинительная связь, подчинительные конструкции не типичны для них. В других же текстах, напротив, изложение фактов находится в определенных логических отношениях — причины, следствия, времени и под., что определяется содержанием данных материалов, их определенным назначением. Таким образом, содержание памятника (а следовательно, и его синтаксическое построение) находится в тесной зависимости от его принадлежности к определенной разновидности документов, от целей и задач, для которых тот или иной памятник предназначен.

Рассмотрим разные виды деловых текстов с точки зрения употребительности в них подчинительных конструкций, поскольку считаем этот признак определяющим для характеристики основных черт синтаксического строя отдельных видов памятников.

При анализе синтаксической структуры принимаем во внимание и элементы складывающейся в то время пунктуации.

С к а з к и. Рассмотрено три типа сказок, различающихся по содержанию, но объединенных по назначению — сообщение сведений разного рода: сказки об имущественном состоянии и торговле, ревизские и фабричные. Содержание этих документов определяет и их синтаксический строй: описание различных фактов в зависимости от назначения сказки. В ревизских сказках — это описание состава семьи (числа душ мужского пола), перечисление лиц, указанных или неуказанных в предшествующие переписи-ревизии; в сказках об имущественном состоянии — описание имущества, лавок, торговых промыслов или указание различного рода занятий — «кто чем кормится» и под.; в сказках фабричных людей московской суконной фабрики Е. Болотина содержатся сведения о самом рабочем — его семейном положении, его родителях, месте жительства (откуда родом), профессии и другие сведения. Все эти данные отмечаются как констатация фактов, часто

вне всякой взаимообусловленности, последнее и определяет их синтаксическую структуру с абсолютным преобладанием сочинительных отношений над подчинительными.

Сказки — это разновидность деловых текстов, где подчинительные конструкции употребляются в единичных случаях на фоне общего «сочинительного» строя этих документов. Было рассмотрено более 80-ти текстов, половина из них — сказки об имущественном состоянии, других сказок около 20-ти каждого из видов. Во всех данных текстах встретилось 16 подчинительных конструкций: в имущественных сказках — 4 и в фабричных — 12, в ревизских сказках подобных конструкций не отмечается. На 40 имущественных сказок приходится 4 подчинительные конструкции, на 20 фабричных — 12 конструкций, из них 8 — применение своеобразной устойчивой конструкции *слышал. . . что* при сообщении сведений о родителях: слышал от кого-то, что отца или мать звали так-то, родом они были. . . Подобные конструкции отмечены в текстах: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 6102, л. 3, 5, 6, 30, 41, 57, 344, 390⁴.

Необходимо отметить, что при анализе синтаксического строя делопроизводственных текстов юридические или канцелярские штампы во внимание не принимаются, поскольку они являются обязательными почти во всех текстах, что обуславливалось правилами составления подобных документов в XVIII в. Не принимаются во внимание и конструкции типа «церковь Спаса что в Наливках», поскольку в этих случаях вся конструкция представляет собой наименование — является цельной лексической единицей, широко представленной в деловой письменности XVIII в. Приведем подчинительные конструкции, встретившиеся в сказках. В сказках об имуществе отмечено 4 конструкции, все они имеют причинно-следственное значение: а торгу и промыслу никакова нѣтъ для того что в малых лѣтах живет у отца своего, ф. 237, оп. 1, ч. 2, № 969, л. 135; и ис тех выше писанных долговых денег < . . . > онъ Андрѣи взятокъ не чаеть для того что на нем Василе гсдрва долгу многое числѡ, ф. 237, оп. 1, ч. 2, № 981, л. 1; былѡ 8 него Андрѣя торгового промыслу малое числѡ для того что шпцъ ево ъмре, там же; а держали мы тот огород и лесное мѣсто

⁴ Далее при цитировании рукописных текстов хранилище не указываем.

десять лѣтъ и от того мы оскудали, ф. 237, оп. 1, ч. 2, № 969, л. 32 об.

Употребление союза *для того что* подчеркивает близость данных текстов к разговорному языку, как и употребление в роли союза предложно-местоименного сочетания *и от того* в причинно-следственной конструкции. Считаем возможным рассматривать данные конструкции как сложноподчиненные, хотя они и не имеют собственно подчинительного союза.

В фабричных сказках, кроме подчинительных конструкций типа *слышал. . . что*, встретились две причинные конструкции с союзом *ибо*, одна — со значением цели с союзом *чтоб* и одна со значением времени с союзом *как*: а в прежнюю перепис от матери своеи за малолѣтством не явлен *ибо* рождень в ту перепис, ф. 350, оп. 3, № 6102, л. 4; а которого села и деревни того *он от* отца своего не слыхаль *ибо* осталса по смерти девяти леть, там же, л. 31; мать ево < . . . > подала доношение *чтоб* быть сыну еѣ на онои фабрикѣ в работе, там же, л. 19; а *он* де Михаилъ *от* показанного отца своего рождень в Москвѣ какъ *он* былъ в салдатствѣ, там же, л. 26.

Приведенные материалы свидетельствуют о единичном употреблении в сказках сложноподчиненных конструкций, поскольку самое содержание сказок предопределяет констатирующее изложение событий и фактов, этим и обусловлено синтаксическое построение данных документов, где сложноподчиненные конструкции малоупотребительны.

Челобитные. Этот вид документов в XVIII в. подчинен строгим правилам делопроизводства в своем построении. Челобитные (явочные челобитные) начинались с обращения к высшим властям, подобные обращения были традиционны в челобитных и более раннего времени. Затем указывалось, кто обращается с челобитьем-прошением, и далее следовало выражение, имеющее вид формулы: а в чем (о чем) тому следуют пункты⁵. Содержание прошения излагалось по отдельным пунктам (иногда даже пронумерованным). Далее вновь следовало обращение к властям: и дабы высочайшим указом было

⁵ Ср. у Гоголя в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», гл. IV: От дворянина Миргородского повета и помещика Ивана Иванова сына Перерепенка прошение: а о чем, тому следуют пункты.

велено (повелено) челобитье принять и исполнить просьбу челобитчика (наказать виновных, разыскать бежавших крестьян и дворовых людей и под.). Почти во всех документах содержится просьба, выраженная также подчинительной конструкцией типа: и ежели выше означенные люди явятся в каких разбоях, воровствах (или непотребствах, плутовстве, шалостях, татьбах, худых поступках, в каких непотребных причинах и под.), (то б) чтобы не было просителю или его господину какого-либо убытка, штрафа, привлечения к ответственности и под. Несмотря на различное лексическое наполнение этой конструкции, условный союз *ежели* не заменяется ни на *если (естли)*, ни на *буде*, широко употребительные в других видах деловой письменности XVIII в. В указанной выше целевой конструкции не заменяется и *дабы* посредством *чтоб — чтобы*. В одном случае употреблена несколько видоизмененная конструкция: и где *шюи* крестьянин явитца на воровствах или на разбоях *чтоб от того к дому госпожи < . . . > чего не принелос и выть не платит*, ф. 931, оп. 1, ч. 1, № 93, л. 93.

Подобная устойчивость в употреблении союзов в данных конструкциях говорит о том, что они являются штампами канцелярской речи, не отражают фактов живого языка.

В конце челобитной указывалось, куда она должна быть подана («к поданию надлежит»). Рассматриваемые челобитные адресованы в Московскую полицмейстерскую канцелярию. В каждой указывается, кем написана, чего нет в других документах, где это, очевидно, не было обязательным. Челобитье заключалось подписью-рукоприкладством просителя или по его поручению какого-либо другого лица. При изложении событий, происшествий указывалась точная дата: число, месяц и год.

Рассмотрено 45 челобитных, в них, кроме обязательных «формулярных» подчинительных конструкций, отмечается 40 сложноподчиненных конструкций разной семантики. В составе данных текстов употребительность подчинительных конструкций представлена следующим образом: в 24 текстах они не употребляются, в 12 — только одна конструкция, в 9 челобитных — более 3, в 5 текстах — по 3 сложноподчиненных конструкции, в 4 — более 3 в каждом тексте. В текстах, где отмечается до 6—8 конструкций, их употребление более характеризует индивидуальный стиль писавшего, чем синтаксическую

структуру данной разновидности памятников деловой письменности.

Более половины челобитных написаны служащими московских учреждений — копиистами, канцеляристами и подканцеляристами Полицмейстерской канцелярии, Губернской канцелярии, Вотчинной конторы, Соляной конторы, Судного приказа и других учреждений. Подобных текстов 24 из 45. Все они входят в ф. 931, оп. 1, ч. 1, № 93, л. 46—46 об., 84—84 об., 87—87 об., 97—97 об.; оп. 1, ч. 2, № 180, л. 3—3 об., 17—18 об.; № 226, л. 6—6 об., 8—8 об., 31—31 об., 56—57, 73—73 об., 113—113 об., 126—127; № 227, л. 16—16 об., 97—97 об., 157—158, 233—233 об., 237—237 об., 238—239; № 329, л. 53—53 об., 60—61 об., 68—68 об., 185—185 об., 235—235 об.

В 5 челобитных употреблено по 3—4 подчинительных конструкции, в остальных челобитных их или нет, или отмечается лишь одна подчинительная конструкция. Словом, наибольшее число отмечаемых в данных текстах подчинительных конструкций не является приметой челобитных, писанных писцами-профессионалами. Две челобитные, принадлежащие перу профессиональных писцов, являются их личными прошениями: ф. 931, оп. 1, ч. 2, № 180, л. 17—18 — прошение В. Флеэрова, подканцеляриста конторы Сената, а № 227, л. 97—97 об. — М. Протопопова, подканцеляриста Соляной конторы. Во втором подчинительных конструкций нет, а в челобитной В. Флеэрова их — 4, что и позволяет думать, что употребительность подчинительных конструкций не связана с профессиональной выучкой писавшего. Так, В. Флеэров, касаясь кражи цветов из своего сада, пишет: а понеже близъ того сада имѣтца на той ѳлице к Сѣконномѹ дворѹ караблная рогатка і какъ із оного моего садѹ тотѹ грабежѹ чиненѹ то *от* имѣющихся грабежныхъ цвѣтовъ пионная трава *от* самыхъ моихъ воротъ даже до той караблки і за тою караблнею была по ѳлице побросана < . . > к тому жѹ на той же улице < . . > имѣтся дворѹ < . . > Егора Ильина сна Мартынова в которомъ дворѹ завсегда бываетъ многолюдственное собрание невѣдомо какихъ людей и по ночамъ бывають драки великия и шѹмъ беспрестанной і ходять с огнемъ і с чего не без ѿпасения к тому жѹ что і крышки на хоромамъ крыты с скалою а трубы весма хѹды, л. 17 об.

В приведенном тексте встречаем употребление разных подчинительных союзов и союзных сочетаний для выражения причинных и причинно-временных отношений.

Среди писцов челобитных, не являвшихся служащими учреждений, связанных по роду своей деятельности с составлением и написанием деловых бумаг, можно отметить служителей домов Голицыных, М. М. Щербатова и других. Среди 11 подобных текстов 5 представляют собой собственные прошения (ф. 931, оп. 1, ч. 1, № 93, л. 93—93 об.; оп. 1, ч. 2, № 226, л. 17, 37—37 об., 89—90; № 227, л. 108—108 об.) и 6 написаны для других (ф. 931, оп. 1, ч. 2, № 226, л. 21—21 об., 128—129, 188—188 об.; № 227, л. 10—11, 224; № 329, л. 66—67). В 7 подобных текстах подчинительных конструкций нет, в 2 — по одной конструкции и в 2 — по 6 и 8, что также, по всей вероятности, отражает индивидуальный стиль писавшего.

Приведем примеры из челобитной, в тексте которой отмечена самая большая употребительность подчинительных конструкций. Ее писал В. Васильев (служитель дома поручика Кропотова) вместо челобитчика А. Петрова. В челобитье говорится, что в дом явился «незнаёмой» человек < . . . > и в домъ гсдна моего делал всякия непристойныя дебоши и меня бранилъ всякою скверною бранью почему стал я его спрашивать что онъ за члвкъ на что онои незнаемой члвкъ в *ответъ* сказал что де я вамъ свойственникъ а какой не объявил и потому видя я такую себе обиду і избавляя дабы по ево видимомъ тогда шѣмствѣ не произошло еще каких неблагопристойностей из покоя вышелъ < . . . > я спрашивал что онъ за члвкъ; на что онъ объявил якобы онъ Главного Кругсъ камисариата сержантъ < . . . > и я ему стал говорит каких ради причинъ приходишь < . . . > на что *ответствовал* что онъ пришелъ не ко мнѣ; а в домъ гсдна моего і имѣеть делѣ < . . . > а какое не сказал; почему я емѣ сказалъ чтобъ онъ из домѣ гсдна моего вышел; но онъ со двора гсдна моего не идетъ то потомъ я оного < . . . > взявъ ѣсилствомъ со двора < . . . > сослалъ, № 329, л. 66—66 об.

В тексте встречаются причинные конструкции, оформленные местоименным сочетанием *почему. . . и (то) потому*. Подобное оформление причинных конструкций свойственно в большей мере языку разговорному, чем книжному; также отмечаются изъяснительные конструкции с союзами *что, чтоб, якобы* (для передачи чужой речи) и конструкция со значением цели с союзом *дабы*; обращает на себя внимание и употребление точки с запятой (о пунктуации в челобитных см. далее).

Среди писавших челобитные надо отметить детей подѣ-

ячих. Указание, что челобитную писал подьяческий сын, встречается в 5 документах: ф. 931, оп. 1, ч. 1, № 93, л. 88—88 об.; оп. 1, ч. 2, № 227, л. 28—28 об., 61—62, 155—155 об.; № 329, л. 177—177 об. В двух челобитных подчинительных конструкций нет, в двух — по одной, и в одном документе их — три, все они практически сосредоточены в одном отрезке текста: а сего марта 21 г і 25 г чисель приходя в домъ мои (зять. — А. С.) бил меня іменованноу і впред гразитца убить меня тако жъ і жену мою и домашнихъ ѡт чего я іменованны (так!) нне і впред имею немалое опасение чтоб надо мною іли в небытность мою в доме над дамашними моими не учинилъ какова убивства тако жъ и над собою в томъ безуміи чего бъ не учинилъ чтѡбъ, мне к винѣ причтенѡ быть не моглѡ, № 227, л. 155.

Кроме того, челобитные писали: купец 2-й гилдии В. Булгаков (собственноручно), ф. 931, оп. 1, ч. 2, № 226, л. 45 (подчинительных конструкций нет); М. Федоров — сын московского купца, там же, № 227, л. 270—271 (в тексте отмечается 4 подчинительные конструкции); драгун С. Лотарев драгунского Владимирского полка, ф. 931, оп. 1, ч. 1, № 93, л. 75—75 об. (подчинительных конструкций нет); поп П. Спиридонов (собственноручно), там же, л. 84—84 об. (подчинительных конструкций нет).

Приведенные материалы свидетельствуют: в синтаксисе челобитных преобладает сочинение, употребление сложноподчиненных конструкций для них не характерно, составляет скорее индивидуальную примету речи писавших.

Как уже указывалось, в челобитных отмечено 40 сложноподчиненных конструкций разной семантики: преобладают причинные, этих конструкций — 14, они оформлены союзами и местоименными сочетаниями *ибо, понеже, для чего, из чего, от чего* и под.; изъяснительных — 12, причем 6 в одном тексте (примеры приведены выше), в этих конструкциях употреблены союзы *что* и *чтобы, якобы*; конструкций со значением цели с союзом *чтоб* и *дабы* — 5; со значением времени с союзами *когда (как) . . . то, как* — 5; со значением уступительности — 1 конструкция с союзом *хотя*; со значением образа действия — 3, все они представляют собой своеобразный штамп типа *сделать как законы повелевают*. В данных текстах преобладают союзы, свойственные разговорному языку.

Челобитные — это вид деловой письменности, где по

сравнению с другими разновидностями деловых текстов наиболее последовательно представлена пунктуация. Причем на протяжении 40—70-х годов каких-либо различий в употреблении знаков препинания не наблюдается. Пунктуация одинаково непоследовательна в текстах, принадлежащих писцам-профессионалам — «пищикам», копиястам, канцеляристам и под., как и другим лицам, писавшим деловые бумаги.

Пунктуационные знаки отмечены более, чем в 30 текстах, чаще всего пользуются одним знаком. Таким знаком служит двоеточие или точка с запятой, несколько реже — запятая либо точка. Самым распространенным является употребление пунктуационного знака в конце абзаца, в этих случаях пользовались любым из указанных знаков, но чаще — двоеточием и точкой с запятой.

Значительно реже встречается употребление знаков в середине текста, в этих случаях могла употребляться точка с запятой перед сочинительным и подчинительным союзом, двоеточие при пояснении, точка или запятая при перечислении, а в общем постановка знака достаточно субъективна. Не наблюдается определенной закреплённости отдельных знаков препинания за теми или иными позициями. Система пунктуации русского языка переживала процесс становления, получивший окончательное оформление в грамматических трудах М. В. Ломоносова, где определены правила постановки (употребления) знаков препинания.

Так, в Грамматике Ломоносова указываются знаки препинания и определяется их значение. Строчные знаки: запятая, точка, две точки, точка с запятой — § 110, «запятая употребляется между предложениями одинаковыми» — § 130, точка «заключает целый период» — § 133, точка с запятой «различает члены периодов» — § 131, «две точки примеры, причины и речи вносные напереди показывают» — § 132⁶.

Д о п р о с ы. Это — расспросы служащих различных московских учреждений о пожаре, случившемся в Москве 29 мая 1737 г. Производились они следственной комиссией, которая выясняла, где был тот или иной человек во время пожара и принимал ли участие в его тушении и спасении

⁶ Ломоносов М. В. Российская грамматика. Полн. собр. соч., т. VII. Труды по филологии, 1739—1758 гг. М.—Л., 1952, с. 429, 436—437, §§ 110, 130—133.

казенного имущества, а если не принимал, то обязательно должен был указать причины, помешавшие этому. Кроме того, каждый допрашиваемый сообщал сведения о себе и своем месте жительства, а также называл свидетелей, которые могли бы подтвердить его показания.

По форме построения данные документы не так строго регламентированы определенными делопроизводственными правилами, как челобитные. Изложение событий и фактов отличается в них большей свободой, но каждый текст обязательно заключался формулой в виде условной конструкции: а ежели (реже *буде*) сказал что ложно, а кем (от кого) изобличен будет, и за то повинен штрафа по указу. Варьирование союзов *ежели* и *буде*, чего не наблюдалось в челобитных, может свидетельствовать о меньшей связанности данных текстов делопроизводственными штампами, о более свободном их построении, их близости к разговорному языку. По всей вероятности, допросы записывались непосредственно со слов дававших показания.

Синтаксическая структура этих документов характеризуется значительным преобладанием сочинительных конструкций над подчинительными, что обусловлено общим констатирующим характером изложения фактов, хотя употребительность подчинительных конструкций в них выше, чем в челобитных. Так, в 50 рассмотренных текстах отмечено до 180 сложноподчиненных конструкций, употребительность которых распределяется в данных текстах неравномерно: в 4 — их нет, в 12 — по одной, в 4 — по две конструкции, в 30 — по три и более.

Семантика подчинительных конструкций зависит от содержания документов: в основном, здесь представлены причинные (причинно-следственные) и временные конструкции, они употребительны примерно в равной мере — причинных 69, временных — 73. Кроме того, представлены 20 изъяснительных конструкций, 6 — со значением цели, 2 — образа действия, 3 — уступительных, отмечаются также единичные конструкции разной семантики типа *то . . . что, так . . . как* и под.

Для данных текстов характерно обязательное присутствие причинных и временных конструкций или по крайней мере одной из них. Указание на время происшествия и причину, которая помешала или, наоборот, способствовала участию в тушении подара, — основное в содержа-

нии данных текстов, определяющее синтаксический строй допросов.

Разнообразно представленные в данных текстах причинные и временные конструкции оформлены разными подчинительными союзами, предложно-местоименными сочетаниями, выступающими в значении подчинительного союза. В этих конструкциях наличествуют и определенные лексические средства, конкретизирующие временное значение союза *как*.

Причинные и причинно-следственные отношения выражают конструкции с союзами *ибо*, *понеже* — часто в сочетании типа: *того ради. . . понеже, того ради что. . . понеже, для того что. . . понеже, а понеже. . . того ради, понеже что* и под. Встречаются и союзы — *для того что, для того. . . что, потому что, что и то*, последние более характерны для разговорного выражения причинных отношений. Выражения данных отношений с помощью сочетаний *для того, для чего, от чего* являются также разговорными.

Приведем примеры: в бывшей в Москвѣ маяя 29 дня сего 1737 года пожар < . . . > в Камор колегіи он Антоновъ не былъ для того что оногo числа < . . . > былъ у обедни в приходцкой своей церкви, ф. 306, оп. 1, № 18, л. 52; в допросе сказал Печатной канторы копейиста Матвѣя Борщдина он Сазоновъ знаетъ по знакомству потому что і со отцомъ дрѣгъ к дрѣшке хаживали і хлеб сол важивали, там же, № 125, л. 9 об.; к тому ж имѣется у меня чечюиная болезнь и фистула шчего мало из дому моего могъ выезжать во весь год < . . . > в то время загорелся двор < . . . > графа Павла Ивановича Егушинскогo то нелзя былo уже чрезъ Знаменку на Боровицкой мостъ проехать и поворотил я в Кисловку, № 18, л. 5—5 об.; и он Нагорной побѣжал в дом свои для взятъя ѣшата к товарищѣ своемѣ Новгородцкой сотни Гаврилѣ Ларионовѣ для того что он Нагорной по полицейскимъ книгамъ написан с ним Ларионовымъ для бѣгания по силѣ ѣказѣ на пожаръ понеже всемъ приказнымъ людямъ ѣ кого людей не имѣетца велено бѣгать на пожаръ, там же, № 124, л. 100 об.; во время слѣчившагoся маяя 29 г дня пожарѣ в колегіи не был того ради что былъ у литоргіи, там же, № 18, л. 59; онъ для спасения денежномъ казны и приказныхъ дѣлъ маяя 29 числа не былъ и должность свою не исправилъ для того маяя 29 числа былъ онъ ѣ литоргіи в Симонове мнстре, там же, л. 50; во Всесвяцкие ворота

са сильным жаромъ проитить не могъ чего ради принужден былъ бежать из Бѣлого города вон в Пречистенские ворота, там же, л. 42—42 об.; он Камынинъ боленъ былъ сапорами на нись от чего ему была болезнь въ левом боку жаръ в голове, там же, № 50, л. 40; и того дня по 8т8шении пожар8 во шную Г8бернскую канцелярию он не ходил для того уже оная канцелярия также и оной домъ ево згорел, там же, № 124, л. 88 об.

Причинные отношения выражаются чаще при помощи союзов, свойственных разговорному языку. Так, в 69 подчинительных конструкциях со значением причины конструкция с союзом *ибо* встретила лишь 4 раза, а *по-неже* — 16, в том числе и в сочетании с *что*, для того *что* и под.

Конструкции со значением времени представлены в данных текстах широко, в подавляющем большинстве случаев они оформлены союзом *как*, которому соответствуют разные по лексическому и грамматическому составу корреляты. Это конструкции типа *а как . . . то* (*тогда и в то время, и тотчас, в тот час, и в то число, того ж часу, а потом* и под.). Такое разнообразие соотносительных элементов при союзе *как* во временных конструкциях может объясняться общим значением этого союза, который в подобных случаях нуждается не только в конструктивном соответствии, но и в участии определенных лексических средств для того, чтобы конструкция оптимально выразила быструю реакцию на действие и одновременность действий, обозначенных в обеих частях сложноподчиненной конструкции.

Примеры: *а какъ тот пожар учинился и потом какъ услышалъ что близка Кремля города горит тогда он тотчасъ в Кремль побѣжалъ и какъ бѣжал то видѣлъ ево Антонова Вотчинной колегіи канцеляристъ Михаила Чегодаревъ і прибѣжал на Каменной мостъ ко Всесвяцкимъ воротам и за великим пламенем в Кремль не допустило а какъ на Каменном мосту былъ і в тѣ поры видѣлъ он < . . . >, ф. 306, оп. 1, № 18, л. 52; и какъ в городъ взашелъ и в тот часъ < . . . > Чюдова мнстря кровли горели, там же, л. 59; и какъ 8слышал пожаръ то онъ Нармотцкой побѣжалъ ис того монастыря в колегію < . . . > и какъ в монастыре былъ в церкви і в то число знакомыхъ людей никого не прилучилос быть а какъ прибѣжал из мнстря на Царицынъ лугъ к перевозу < . . . > тогда видель ево < . . . > Иванъ Ермолаевъ снъ Роговъ и какъ рек8 перѣехалъ*

то в Кремль < . . . > не допустило, там же, л. 50; i какъ пришелъ к перевозу i в то время перевозной лодки не састаль, там же, л. 42; а в то время какъ зачался пожар к присутствующим за великимъ огненнымъ распространениемъ пожара онъ ТѢрченинов репортоват не посылал и в то ж самое малое время перекинуло в Кремль, там же, № 124, л. 21 об.

В последнем примере наблюдается настолько сильная лексическая конкретизация конструкции *как . . . то*, что подчинительная связь ощущается скорее как логическая, нежели грамматическая.

Пример: а какъ онъ в той цркви был видел ево < . . . > Терентей Левачевъ (там же, № 18, л. 58) представляет собой единичный случай, когда союз *как* не имеет соотносительного элемента. Значение времени в данном примере выражено недостаточно ясно.

В примере: и какъ пожар начался то онъ Долтуровъ не ѡтслушавъ вечерни тотчас к своей камиси поѣхал, там же, л. 8, на основное значение времени наслаивается значение причинно-следственное, поскольку коррелият *то* также имеет очень общее значение и недостаточно уточняет семантику конструкции, тем более, что конструкция *как . . . то* в письменности XVIII в. широко представлена и со значением причины.

Как уже отмечалось, значение приведенных временных конструкций может быть определено, как одновременно совершаемые действия, причем действие второй части конструкции обозначает быструю реакцию на действие, обозначенное в первой ее части. Семантика конструкции определяется факторами внеязыковыми — известие о пожаре и реакция на него.

Союзы-частицы *и*, *а*, *да*, с нашей точки зрения, усиливают связь обеих частей подчинительной конструкции, они в этих случаях имеют значение усилительно-выделительное, и в меньшей степени присоединительное. Не считаем, что они могут свидетельствовать о недостаточной оформленности подчинительной связи в языке XVIII в.⁷

Около трети всех текстов имеют пунктуационные знаки, но в их употреблении нет последовательности, да и применяются они единично. Точка с запятой, реже двоеточие и еще реже точка ставятся в конце текста перед подписью-

⁷ См.: Коротаева Э. И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.—Л., 1964, с. 15—16 и др.

рукоприкладством. Точка с запятой представлена в материалах: ф. 306, оп. 1, № 18, л. 8 об., 18, 27, 50, 50 об., 88 об.; двоеточие — в № 124, л. 42 об.; № 18, л. 119; запятая — в № 124, л. 38, здесь же после подписи поставлена точка. После подписи точка с запятой поставлена и в № 34, л. 15.

Лишь в одном документе (ф. 306, оп. 1, № 124, л. 67—67 об.) знаки препинания употребляются довольно последовательно. Писавший, как и в других случаях, не известен. Писец употребляет запятую для деления текста на законченные отрезки, правда, с некоторыми пропусками, но достаточно последовательно — более 10 раз, перед *а, и, понеже, для того что* и в конце текста перед подписью.

В № 124, л. 21 об.—22 об. двоеточие отмечается в традиционном употреблении в конце текста перед подписью и несколько раз, по всей вероятности, как знак пояснения: *а в то жъ число былъ дежурной секретарь Иванъ Юдинъ, токмо в канцеляриі онъ Юдинъ не былъ < . . . > и ннѣ в Г8бѣрнскую канцелярію не ездить: а зачемъ и в Москве ль онъ Юдинъ того шнѣ Турченинов не ведаеть. В этом же тексте отмечена запятая перед *токмо*, и там же — повиненъ бѣдет штрафъ: по указомъ: .*

Надо сказать, что в ряде случаев трудно отличить двоеточие от точки с запятой, точку от запятой. То же самое следует сказать и о написании знаков препинания в челобитных.

Синтаксическому строю допросных текстов подчинительные конструкции свойственны в большей мере, чем челобитным. В среднем на один текст в допросах приходится три подчинительные конструкции, две из них почти обязательны — временная и причинная. В челобитных же на один текст приходится одна конструкция, причем в их общем составе преобладают причинно-следственные. В сказках на каждые пять текстов приходится одна конструкция. Общую же синтаксическую структуру данных текстов деловой письменности можно охарактеризовать как преобладание сочинительных конструкций над подчинительными. На общем «сочинительном» фоне строя данных документов, где преобладают конструкции с союзами-частицами *а, и, да*, подчинительные конструкции в данных текстах употребительны лишь в незначительной степени.

Существует известная предопределенность, так ска-

зять, «предсказуемость» наличия определенных конструкций в том или ином деловом тексте в зависимости от характера его содержания. Скажем, может преобладать констатирующее описание событий и фактов, как, например, в сказках, или же обязательны какие-либо сопоставления явлений и фактов, их оценка, как в допросах; преобладание того или иного характера изложения и обуславливает в синтаксическом строе текста большую или меньшую употребительность сочинительных и подчинительных конструкций и их семантику.

Интересно проследить, в какой мере отмеченные особенности синтаксического построения текста могут проявиться в памятниках, не относящихся к делопроизводству, но принадлежащих к деловой письменности. Таким памятником является, например, описание Москвы и городов Московского уезда 1785 г., содержащееся в рукописи «Состояние столичного города Москвы» (далее «Состояние Москвы») ⁸.

Рукопись содержит описание Москвы и таких городов, как Коломна, Клин, Серпухов, Верей, Дмитров и нек. др. Материалом для нее послужили, по всей вероятности, экономические примечания, составлявшиеся во второй половине XVIII в. в связи с генеральным межеванием ⁹.

Рукопись содержит краткие исторические сведения об этих городах, их возникновении, названии (например, Коломна), описание местоположения города, сведения о характере почв и растительности, о наличии в лесах зверей, в реках — рыбы, число сел, деревень, фабрик и заводов, о количестве жителей, отмечаются их занятия — виды промыслов, время проведения ярмарок, указывается социальный состав населения, количество улиц в городах, каменных и деревянных построек и под. Рукопись включает описание и главных достопримечательностей городов, например, в Москве четырех частей города — Кремля, Китая-города, Белого и Земляного города, соборов, монастырей, башен, мостов и наиболее примечатель-

---

⁸ ЦГАДА, ф. 197 (Портфели А. Ф. Малиновского), оп. 1, портф. 36, № 1.

⁹ ЦГАДА, ф. 1355. Экономические примечания, № 775, Московская губерния, Московский уезд. Материалами для описания Москвы второй половины XVIII в. могли послужить и данные, собранные по постановлению Сената «О составлении губернаторам топографических описаний вверенных им губерний», 1777 г., ПСЗ, т. XX, № 14671. СПб., 1830.

ных строений — Главного госпиталя, Воспитательного дома и др.

Общий синтаксический строй данного текста определяется значительным преобладанием сочинительных конструкций над подчинительными. Широко употребительны союзы-частицы *и*, *а*, *да*, но при подчинительных союзах они отмечаются лишь в единичных случаях. Преобладание сочинения над подчинением обусловлено жанром памятника, определено его содержанием.

Из 40 л. рукописи, привлеченных к анализу, на 5 л. приводится материал в таблицах, так что берем только связный текст изложения. На 35 л. отмечено более 60 подчинительных конструкций. Семантика их различна, но треть всех конструкций составляют причинные. Далее по степени употребительности следуют изъяснительные конструкции, со значением следствия, меры и степени, пояснительные с союзами *как то* и *то есть* (ранее в рассматриваемых материалах эти союзы в сложноподчиненных конструкциях не встречались), уступительные и некоторые другие конструкции, отмечаемые единично. По степени употребления подчинительных конструкций «Состояние Москвы» стоит в одном ряду с челобитными и допросами.

Помимо употребления пояснительных конструкций и в незначительной мере союзов-частиц при подчинительных союзах в «Состоянии Москвы» можно отметить и употребление подчинительных конструкций в виде «цепочек» — последовательного употребления трех и более конструкций с разными подчинительными союзами. Подобные факты немногочисленны в тексте данного памятника, но широко представлены в других видах письменности XVIII в., например, в письмах, что, возможно, и является одной из характерных примет синтаксического строя данных памятников.

Несмотря на известную «книжность», даже некоторую витиеватость изложения, что проявляется, главным образом, в порядке слов, в описании следует отметить незначительную употребительность книжно-славянских союзов, таких, как *ибо*, *дабы* и под. Это может свидетельствовать об известной близости языка данного памятника к разговорному.

Небезынтересны данные об употреблении союзов в причинных конструкциях: из 20 подобных конструкций только в 5 отмечен союз *ибо*, причем в четырех случаях его употребление можно считать стилистически обусловленным.

поскольку речъ идетъ о князьяхъ, основавшихъ городъ, или о другихъ событияхъ в историческомъ прошломъ.

В историческихъ свѣдѣнiяхъ о Клине говорится: первоначальное сего города основанiе и время онаго неизвѣстно, но онъ уже существовалъ въ 1224 году во владенiе на Владимирскомъ княженiи Георгiя (*так!*) Всеволодовича; ибо въ семъ году онъ былъ опустошенъ литовцами, < . . . > вѣроятно что онъ принадлежалъ тогда первѣ къ Переславскому, а потомъ къ Митровскому (*так!*) княжеству: ибо въ здѣланномъ въ 1328 году исчисленiи въ духовныхъ грамотахъ князя Ивана Даниловича принадлежавшихъ къ Московскому княженiю областей о немъ не упоминается, ф. 197, оп. 1, портф. 36, № 1, л. 20 об.

О городе Дмитрове: изъ учиненной при царѣ Михаиле Федоровиче описи явствуетъ, что в немъ было тридцать четыре церкви, и до двухъсотъ лавочныхъ мѣстъ, которыя заустели еще прежде литовскаго раззоренiя, нашествiе сихъ соседей умножило опустошенiе, ибо въ 1602 году былъ онъ взятъ полскимъ генераломъ Сапегою, там же, л. 32; обывательскiя строенiя разделяются на девять слободъ составляющихъ между собою столко же большихъ то же имя имѣющихъ улицъ ибо сеи городъ имеетъ в себѣ то особеннаго что улицы *от* улицы такъ расположены что между оныхъ для огородовъ очень много оставлено места, там же, л. 32 об.

В последнемъ примерѣ союзъ *ибо* употребленъ только одинъ разъ в обычномъ для данного памятника стилистически нейтральномъ контекстѣ, тогда какъ в предыдущихъ случаяхъ его употребленiе могло быть обусловлено содержаниемъ излагаемыхъ событий. Кроме того, в данномъ примерѣ можно наблюдать изъяснительную местоименную конструкцію, включающую в себя следственную конструкцію с оттенкомъ образа действия: *то . . . что* и *так . . . что*, вторая включается логически в зависимую часть первой.

Приведемъ и некоторые другiе примеры причинныхъ конструкцій, по которымъ можно судить о большей связи языка данного текста с разговорнымъ, чемъ с книжно-письменнымъ языкомъ: третiе раздѣленiе (Москвы. — А. С.) двѣ первыя части окружающее, называлось прежде Царевъ, нынѣ же называется Бѣлою городъ; потому что обведенъ былъ стеною изъ бѣлого камня состоящею, л. 3 об.; городъ Коломна предъ прочими прославляется, потому что имѣютъ нѣкоторые жители отличное искусство въ дѣланiи пастиль изъ разныхъ плодовъ, л. 18 об.;

какъ все товары < . . . > привозимыя въ Москву иностранцами, азіатцами и росіискіми купцами продаются не на готовые денги, а в сроки на вексѣли въ 6 12 и около 24 месяцевъ то означенные купцы для переворотовъ своихъ и торговли имѣють надобность въ деньгахъ, л. 9.

Приведемъ примеры конструкций изъяснительныхъ, уступительныхъ, пояснительныхъ и некоторыхъ другихъ, менее характерныхъ для данного памятника, нежели причинные: число находящагося в Москвѣ народа по причинѣ безъпрерывнаго пріезда и отъезда съ точностію ограничено быть не можетъ, но по бывшимъ разнымъ исчисленіямъ явствуетъ, что въ оной вмѣстѣ съ женскимъ поломъ, лѣтомъ до полутораэта, а зимою до трехъ сотъ тысячъ бываетъ, л. 5 об.; особливо вниманія достойно, что коровы всемъ городомъ по объявленію жителей от скотскаго падежа, когда онъ в ближнихъ селеніяхъ случался, предохранены бываютъ дачею имъ в корме чесноковаго листа, л. 34 об.; число бракосочетанія въ сравненіи съ числомъ народа содержится въ Москвѣ какъ 1 къ 90 то есть изъ 90 человекъ по большей части въ годъ одинъ бракъ бываетъ, л. 5 об.; грунтъ земли неравенъ, какъ то къ сторонѣ Бронницкаго уѣзда серой съ малымъ суглинкомъ, къ Каширѣ съ большимъ углинкомъ (*так!*), за Москвою рѣкою пещаной, л. 19 об.; болезней необыкновенныхъ и съ жизнію въ семъ городѣ единственно соединенныхъ нѣтъ; хотя весною и осенью въ Москвѣ лихорадки и горячки несколько сильнее нежели на свободнѣшемъ бываютъ воздухѣ, но вообще Москва по пространству и высотѣ мѣста множеству садовъ, имѣетъ всегда здоровыи воздухъ, и более нужныхъ къ сохраненію здоровья пособіи нежели бы въ столь пространномъ городѣ ожидать можно было, л. 6; съестныхъ припасовъ из разныхъ городовъ зимнимъ путемъ очень великое количество привозится, так что всякой торгъ площади полны бываютъ, л. 9 об.

Приведемъ примеръ конструкции, которую можно определить какъ «цепочку» разныхъ по значенію последовательно соединяемыхъ друг с другомъ подчинительныхъ конструкций: изъ сего множественнаго стеченія (товаров. — А. С.) проистекаетъ то что хотя въ Москвѣ два гостиныхъ двора < . . . > и хотя в оныхъ кладовыхъ полатокъ < . . . > до 206 простирается однако оныхъ для торговли здѣшней недовольно и потому вообще все привозныя роды товаровъ подвѣржены той необходимости, что за недостаткомъ < . . . >

магазеиновъ складываютъ ихъ какъ въ собственныхъ, такъ и наемныхъ партикулярныхъ домахъ въ кладовыхъ анбарахъ, л. 6 об.

В синтаксической структуре данного текста значительна роль подчинительных конструкций, но преобладают все же сочинительные, соединенные союзами-частицами *а, и, да*, что, как уже было отмечено, определялось содержанием памятника. Свообразием его синтаксического строя, в сравнении с синтаксисом текстов, рассмотренных ранее, является соединение известной витиеватости изложения (чего, естественно, не наблюдалось в сравниваемых текстах) с употреблением союзов, которые скорее характеризуют живой разговорный, чем книжный язык.

Заметим: пунктуация отмечается на протяжении всего текста. Употребляются точка, запятая, точка с запятой и двоеточие.

Знаки препинания, в основном, употребляются в соответствии с правилами Грамматики М. В. Ломоносова¹⁰: точка отделяет цельные периоды, точка с запятой разделяет части периодов (в Грамматике приведен пример конструкции «хотя. . . ; однако»), две точки поясняют причинные сочетания. Эти правила расстановки знаков препинания, в основном, и реализованы в рукописи «Состояние столичного города Москвы». Так, большие отрезки, законченные по смыслу, разделяются (закljučаются) точками. Например, в описании Москвы точки поставлены в конце таких частей текста, как описание частей города — Кремля, Китая, Белого и Земляного города.

Точка с запятой ставится перед подчинительными союзами *ибо, потому что, что*, но не последовательно. Перед причинным союзом может быть и двоеточие, и запятая, а может и вообще отсутствовать знак препинания, как, впрочем, и при других подчинительных и сочинительных союзах. В общем наблюдается тенденция следовать правилам Грамматики в употреблении знаков препинания, но последовательности в проведении этих правил нет.

Причастные, деепричастные обороты также выделяются запятыми не последовательно, то же явление наблюдается при перечислении. Новым моментом в пунктуации данной рукописи является закреплённость знаков в опреде-

¹⁰ См. примечание 6.

ленных позициях, чего не наблюдалось в ранее рассматриваемых текстах, как обычно не наблюдалось там и употребления нескольких знаков препинания: писавший обыкновенно употреблял один какой-либо знак и пользовался им во всех случаях — в конце текста, в середине и под. Писавший рассматриваемую рукопись, возможно, он же автор, был человеком образованным.

В сравнительном плане представляет интерес и употребление подчинительных конструкций в дневниках купца И. А. Толченова, который вел их более тридцати лет ¹¹.

Опубликовано около половины всей рукописи дневников, содержащих 1069 стр.

Записывая события каждодневной жизни, автор в конце каждого года особо освещал наиболее примечательные события, происшедшие за год. В подобных обобщающих заметках находим наблюдения над погодой, а также разливом рек, установлением дороги зимой и весной, отмечается созревание хлебов, цены на зерно, урожай ягод, грибов и овощей и под.

Употребительность подчинительных конструкций в разных частях рукописи оказывается неодинаковой, так как для повседневных записок более характерна констатация событий и фактов, чем их обобщающие характеристики и оценки, которые, напротив, характеризуют заключительные записи за год.

В «Археографическом введении», написанном А. И. Копаневым ¹², говорится, что свои повседневные записки Толченев писал вначале начерно, а затем уже переписывал их набело, не внося практически в них никаких сокращений и изменений. Обобщающие же сведения — обзоры, подытоживающие события каждого года, как полагает А. И. Копанев, не имели черновиков. Источниками обобщений могли быть сведения из торговой документации (являясь купцом города Дмитрова, Толченев вел торговлю зерном, а после разорения переехал в Москву). Из бухгалтерских документов, полагает А. И. Копанев, взяты сведения о ежегодных ценах на зерно, о прибылях и убытках и другие, приводимые автором дневника под рубрикой «О торгу».

Другие сведения, которые Толченев обозначал как

¹¹ См. Журнал или записка жизни и приключений И. А. Толченова.

¹² Там же, с. 19—28.

«Достопамятные события», могли быть взяты им из книги «Разные известия называемой», которую он вел и где записывал наиболее значительные, с его точки зрения, события, о них он писал как очевидец. А. И. Копанев считает, что «особая книжка» была у Толченова и для наблюдений за погодой, которые потом излагались им в виде обобщений. В нее заносились наблюдения над ростом хлебов, их всходами и созреванием, урожаем овощей, фруктов, ягод, орехов и грибов и т. д.

А. И. Копанев отмечает, что дневниковые записи составляют 75% всей рукописи, в публикации представлено 221 стр. подобных записей и 206 стр. обобщающих сведений, которые опубликованы полностью. Повторяем, опубликовано около половины всей рукописи.

Записки Толченова написаны простым образным и живым языком, включают отдельные элементы книжного.

Для обобщающих суждений о синтаксисе памятника необходимо обращение к его рукописи и ознакомление со всем текстом.

Поскольку мы пользуемся публикацией текста, изданного историками, пунктуацию, привнесенную в издание, во внимание не принимаем¹³.

В дневниковых записках на 221 рукописной странице отмечено немногим более 100 подчинительных конструкций, тогда как на 206 страницах обобщающих заметок их — около 400. Наиболее употребительные конструкции — причинные, в дневниках их 37, в обобщениях — 180, следственные — 6 и 79, изъяснительные — 19 и 13, уступительные — 4 и 49, со значением цели — 5 и 4, времени — 11 и 2, условия — 0 и 2; со значением меры и степени — 9 и 33.

Степень употребительности подчинительных конструкций в разных частях рукописи определяется особенностями их содержания.

В дневниковых записках более употребительны, по сравнению с обобщениями, конструкции с изъяснительной и временной семантикой, что также объясняется спецификой содержания соответствующих частей рукописи. Употребление подчинительных союзов в дневниках и обобщающих записях в общем одинаково. В обеих частях довольно широко представлено употребление союзов-ча-

¹³ Автор благодарит А. И. Копаневу за сообщение некоторых сведений о пунктуации рукописи.

стиц при подчинительных союзах, что приближает данные тексты к допросам, сказкам и челобитным и отличает их от «Состояния столичного города Москвы» 1785 г.

Приведем примеры, которые показывают различие синтаксического строя в обеих частях рукописи.

В дневнике А. И. Толченова, помимо событий каждодневных, описаны его поездки по торговым и личным делам в Москву, Петербург и другие города. Вот некоторые из этих записей.

1773 год. Генваря 6-го по соизволению и убеждению родителя принял я намерение сочетаться законным браком. 9-го поехали по оному случаю в Москву. < . . . > смотрели невесту в Кожевниках у купца Алексея Ивановича Осоргина дочь, девицу Анну Алексеевну < . . . > 17-го произведено рукобיתье. 20-го поехали на время в Дмитров. 22-го обратно в Москву приехали. 24-го был заговор. 27-го происходило таинство брака в церкви Казанской богоматери, что в Сущеве, а пирушка свадебная отправлялась в доме тестя батюшкина, Петра Дмитриевича Холщевникова. 28-го был у нас вечерний стол. 29-го тоже. 30-го у тестя отводной стол. Февраля 1-го ввечеру поехали в Дмитров и с нами тесть и теца и некоторые из новых сродников, ночевали в Шолохове. 2-го приехали домой до рассвета, с. 40—41 ¹⁴.

Тот же год, сентябрь. < . . . > 29-го поутру паки большой туман оказался и я за оставшею назади баркою послал лоцманов, чтобы соединить с прочими. И как оную пригнали, то все барки и отвалили в ход и, отплывши 7 верст, как начали приближаться опасные места, а туман еще продолжался, то для предосторожности и привалили на правой стороне, под селом Белая. < . . . > 30-го туман недолго продолжался, почему и отвалили рано и в 2-х верстах прошли порог Сумы, а за ним в 2-х жа верстах — Плоскую косу, деревню Кузнецы, и каменья, называемые Сука со щенятами, с. 45—46;

1775 год, генварь. < . . . > 13-го на разсвете поехал в Тверь, а в 9-м часу из Твери — домой. Обедали в деревне Городище, ночевали в Шоше. 14-го продолжали путь зимнею дорогою и в Рогачеве обедал, а к вечеру в дом приехал благополучно < . . . > 27-го был на Верхней мельнице для спуска воды. 31-го в 11 ч. 5 мин. утра поехал на Тверцу и в Городище для грузки барок, ибо бывшая

¹⁴ Здесь и далее при примерах указаны стр. издания.

пред тем таль, предвещала скорое вскрытие рек, но с сего дня погода сделалась холодная и продолжение тали оставилось < . . . > 11-го в 3-м часу утра взломало на Тверце лед, который и начал итти, но по причине малой воды делались часто заторы. В 10-м же часу получил я от родителя с нарочноприсланным приказание, чтобы немедля возвратится домой, с. 59—61;

1776 год, июль < . . . > 24-го < . . . > В сумерки нашла сильная туча и страшный гром с молниєю и заливным дождем, часа четыре продолжался, и в окружности города вдруг в 4-х селениях от молний видны были пожары. 25-го была у нас пирушка-ж. 26-го после обеда гуляли с гостями на Луговой мельнице и в реке ловили рыбу. 27-го ловили рыбу поблизости Нижней мельницы и в прудах. Вечером я был в магистрате на совете. 29-го поутру поехал в Москву и к вечеру приехал в дом к тестю, с. 78—79;

1777 год, июль < . . . > 17-го с утра и весь день дул чрезвычайной ветер с юго-запада. < . . . > В 8 ч. пополудни по утишении ветра прошла стороною западную к северу туча с громом, столь красная видом, что все строение и земля будто в огне казались, с. 96;

1805 год, май < . . . > 31-го в начале 4-го часа пополудни с Анной Алексеевной выехали в Тихвин и оттуда в Петербург на наемных трех лошадях, подъехавши к Марьиной роще, нарвали букет ландышей и, простясь с приятными московскими окрестностями, продолжали путь, с. 370—371.

Далее приводим примеры обобщающих записей Толчелова.

Разныя известия на 1770-й год < . . . > В Петербурге продажа ржаной муки была самая медлительная и то более покупали хороших кряжей, а я своей едва мог продать малое число, а почти всю в зиму выгрузили на берег на Рожке. На мешечную муку, напротив того, расход был изрядной и из пришедшей у нас на четырех барках, осталось в зиму небольшое число, а продавали крупичатую от 81 до 85 коп., кулишную 74 коп., подрукавную 70 коп. пуд, с. 35;

Разныя известия на 1771 год < . . . > Прочия достопамятности. В Москве сей год свирепствовала сильная заразительная болезнь или мор и начало оной последовало в феврале месяце, но несколько и прекратилась, а потом к осени весьма усилилась и особливо сентябрь и октябрь поглотили многие тысячи людей. И как из Москвы черной

народ посему случаю начал расходиться в ближние города и селения и некоторые из таковых уже и сами заражены были, прочия вынесли платья и другие вещи, напоенные тем смертоносным ядом, то зараза и размножилась по многим городам и селениям, < . . . > В Дмитрове также сие зло коснулось, хотя и не весьма сильно, однако до 40 чел. от оногo умерло и большею частию в тех домах, кои или пожитки из Москвы получили или сродники приезжали, с. 37—38;

Разныя известия на 1778-й год < . . . > Прочия достопамятности < . . . > Сентября на 30-е в ночи была в Дмитрове пружестокая гроза с страшною молниею, продолжавшаяся с лишком 3 часа, отчего все были в ужасе. Октября 1-го и 2-го выпал великой снег, равно зимнему, так что в некоторых местах от сугробов и проезд труден был, а с 5-го началось тепло и от стаявшего снегу вода в реке прибыла очень много, с. 130—131;

Разныя известия на 1780-й год < . . . > В разсуждении погоды. Зима. Снега были весьма большие. Весна. Открытие оной было необыкновенно рано, а имянно: 3-го марта с полден начал итти большой дождь и следующие дни столь теплые были и снег гнало, что 6-го ручьи сильное течение начали и в реках прибыль сделалась и мельницы подперло и хотя потом, с 11-го по 26-е паки холодно стояло, однако дорога весьма попортилась и совсем не разрушилась точию по причине множества снегов < . . . > Лето. Было из приятных и больше сухое, с. 161—162;

Разныя известия на 1786-й год. Замечание. Вообще, хотя все три года сряду, то есть 784, 785 и 786 в торгу моем были очень счастливы, но существенной прибыли в капитале моем не сделалось. Сие по испытанию совести моей отнести должен ни к чему более, как худому своему расположению, ибо как не мыслил о сбережении денег и не удерживался от ненужных издержек, с. 208;

< . . . > В разсуждении погоды. Зима. Самое начало сего года открылось необыкновенною переменою в воздухе, ибо по продолжавшейся в прошлом декабре без всякого умаления жестокой стуже, 1-го генваря последовала оттепель и сильной дождь, продолжавшейся, хотя на короткое время, но каждой день, чем самым и снег, неотверделой еще, почти весь согнало < . . . > Хлеба родились сего году: в Московской губернии, Ярославском, Володимерском, Тверском и некоторых других наместничествах с большим недостатком, а особливо ржи, поелику прошлое лето

и осень были мочливыя, то сжатая рожь порядочно не высушена и сыромолотная, а инде и тощая при том зерном, сеяна в зиму в мокрую-ж землю, отчего генерально почти не взопла сею весною, а хотя и взопла, но столь редко, что разумными крестьянами, имеющими в наличности хлеб яровой, те полосы перепаживаны и засеяны вновь ячменем и овсом, с. 209, 211;

Разныя известия на 1787-й год < . . . > В разсуждении произрастений < . . . > Яблони и прочия плодовиыя деревья зимою в начале сего года паки молодыя сучья позябли, отчего и плода не было < . . . > Орехов было посредственно, но в разсуждении того, что несколько лет сряду оных совсем не было, то ныне казались за диковинку < . . . > Арбузам и дыням сие лето было лучшее. Из полевых ягод земляники было немного, черники и малины вовсе ничего, брусники весьма мало. Из садовых-же смородины очень немного, а крыжовник на цвету побил морозом, то его совсем не было, с. 224;

Разныя известия на 1791-й год < . . . > Итак торг сего года был бесполезной, а в разсуждении, что происходил на заимные из интересу деньги и весьма убыточной, что постепенно приводило меня в разстройку и совершенной упадок, ибо баланс убавки капиталу в сем году превысил до 10 тысяч, с. 269.

Приведенный материал иллюстрирует различия в синтаксическом строе разных частей рукописи. Строй обобщающих рассуждений включает не только описание фактов, но и их оценку, сопоставление. Именно здесь в большей мере, чем при обычной констатации фактов, наблюдается большая употребительность подчинительных конструкций.

В оформлении подчинительных конструкций отмечаем употребление следующих союзов: в причинных — *потому что, потому, ибо, как . . . то*, в единичных случаях — *поелику . . . то* и под., в изъяснительных — преимущественно *что, реже чтобы* (с оттенком цели), в уступительных — *хотя . . . однако (но)*, в конструкциях со значением цели — *чтоб, чтобы и дабы*. во временных чаще других — *как . . . то* (иногда с оттенком причинности) и также различные варианты этой конструкции — *как . . . тут, и едва . . . то, а когда . . . то* и др. Во временных конструкциях варьируется первая часть — *как: и едва, и тогда, коль же скоро*; вторая часть — *то* остается неизменной. В подобных конструкциях в допросах наблюда-

лось обратное явление. В дневниках уточнение первой части подчеркивает значение начала или конца действия, а при лексическом варьировании второй части выделяется значение быстрой и одновременной реакции на него.

Несколько слов о конструкциях со значением следствия, меры и степени, оформленных союзами *так что* и *так, что*: в подобных случаях о значении конструкции можно судить лишь при авторской пунктуации.

Рассмотрение синтаксического строя памятников, представляющих разные виды деловых текстов, приводит к заключению, что эти тексты отличаются по употребительности подчинительных конструкций, что, в свою очередь, зависит от характера содержания памятника, от его назначения, словом, — от его принадлежности к определенному разряду деловых текстов.

Можно отметить, что все тексты, принадлежащие к области делопроизводства, весьма ограниченно представляют условные, уступительные, конструкции со значением меры и степени, поскольку в них, по-видимому, в большей мере могли содержаться субъективные оценки фактов, что практически не должно иметь места в делопроизводственных текстах. Здесь представлены шире всего конструкции с причинным и причинно-следственным значением, со значением цели, изъяснения и под.

Можно говорить о предопределенности характера синтаксического строя в памятниках деловой письменности — об известной его «предсказуемости» в зависимости от содержания и назначения данных текстов.

В этом отношении актовая письменность существенно отличается от эпистолярной. Не скованные юридической нормативностью и делопроизводственными правилами письма значительно более свободны в выборе средств выражения, в них в силу этого в большей степени проявляются индивидуальные черты речевого склада писавших.

Можно полагать, что употребительность сочинительных и подчинительных конструкций по отношению к содержанию писем и форме его изложения находится в той же зависимости, в тех же отношениях (констатации или сопоставления и оценки излагаемого), но все возможное многообразие эпистолярного материала по содержанию и назначению обуславливает «непредсказуемость» их синтаксического строя, какое возможно в памятниках делового жанра, во всяком случае в тех, которые рассмотрены в настоящей работе.